

Осенний дождь

Если всю ночь льет дождь и мир умирает,
если во сне ты уезжаешь из гостиницы и не можешь уехать, потому что она
запаздывает: запропастилась куда-то, веселясь с иными постояльцами, а ты,
набывчившись, как в 16 лет, смотришь в окно,
если утром статуя Дюка становится сквозь струи воды похожей на статую
Командора, темную и безжалостную, а собака на большую, невыжатую
половую тряпку,
значит, это осень.

Пора замаливать грехи и очищаться,
пора жить по-новому..

Привыкать к пледам и горящему камельку,
горячему белому вину с тертыми яблоками, капелькой меда и корицей,
жаренному на решетке мясу с выжатой на него половинкой лимона.
И есть его по этикету: мясо в правой, вилка в левой, сок на подбородке...

Или пора уезжать,
уезжать, чтобы вернуться или не возвращаться никогда,
потому что воды реки, хранившие отпечаток твоих поцелуев, ушли в океан и
соленая капля, упавшая со щеки, миллиардом капель закрутилась в течении
Эль-Ниньо, неся чужим континентам смерть и разрушения.

Или вернуться, чтобы услышать: "Здравствуй, дорогой"

И тихо так, как бы про себя, зная, что,
несмотря на глухоту, все равно услышу:
"Ты не представляешь, как я ждала этой встречи".
В жизни всегда есть место выбору. И встречаю.

* В. Туляков – профессор, проректор Одесской национальной юридической академии

Вещи

Я себе купил ножницы для срезания фитиля у свечей. Бронза. Начало XIX века. Не знаю, что ими делал в Одессе Пушкин, но в его музее в Москве — такие же. Абсолютно ненужное. Лампочку не заменит. Но вещь... Нашел вот еще колоду. Деревянная кадка — долбленка. 40 см диаметром 150 высоты.

Это представь себе — кто-то долгими зимними вечерами выдалбливал объем изнутри, чтобы получилось Место, куда класть.

Ни одного гвоздя.

Опять-таки два века назад сделанное.

В них тепло рук.

В этих вещах.

В них солнце.

В них истома и поцелуи.

И шепот: "Не молчи, говори же, я хочу тебя слышать"...

В них расставания и встречи.

Это как колониальная мебель, везомая англичанами в сырые предместья столицы мира...

Это как случайно найденные письма в столе...

Пора публиковать избранное...

Двенадцать

Пятнадцать плюс один — это сундук, наполненный сокровищами инков.

Три плюс один — Дюма, в урюк напившись, выдал эту книгу.

И семь плюс шесть, всего не перечеть, как карты складывают пары.

Двенадцать плюс одна — и это есть в возу воспоминаний и реалий.

Но что те цифры, вот одна она

Кто стоит сундуков, ночей бессонных, книг, порванных страниц,
ночных звонков

и утренних видений полусонных.

И вроде бы не в силах разорваться, казалось, что развязана струна...

Ушли писать Деяния двенадцать.

Осталась для меня она одна.

Ветер лиманов

Вот он в лицо, соленый, свежий, звонкий.

И ты, в пыли почти окаменев,
Забудешь все: дороги шепот громкий,
Степей казацких сумрачный напев
Колоколов разливы, тень каштанов
Мороженщиц усталых хриплый крик,
Душой ты здесь — она, душа ребенка,
Отыщется. Не прячь ее, старик!
И в шестьдесят, на острове скупая,
Откроется вам эта простота.
Мы души близких нам берем, играя,
Как море нас вбирает. Неспроста
Оно пускает погулять к нам ветер.
Соленый бриз ложится на карниз.
Как Муза на диван. Послушай вечер,
Он донесет мой шепот. Губы вниз,
в ладони пряча,
прошепчу я имя,
Которое как манта на плече
Оно звучит. Беру его моими
губами, не пуская далече...
А все, казалось, ветерок усталый
с лиманов
Поцелуя соль донес.
Так, губы, в кровь искусывая, раним
Друг друга, не взახлеб — взасос...

